

вания либо исцеления, и т. д., во всяком случае, этической рациональности религии вообще и обрядовых действий в частности («день всепрощения, пасхальные поцелуи, взаимные поклоны и т. д. и т. п.». Так как поступая таким (нравственным) образом ты угождаешь Богу, следовательно, надеешься на его милость. Но и эта – этическая рациональность, может и не теряя своей значимости дополняется сейчас научной.

На изученных нами примерах (а мы думаем, что их может продолжить любой читатель данной статьи) видно как широк диапазон притязаний этой новой рациональности: 1) невозможно себе представить религию, к которой она бы не имела отношения; 2) она обращена практически ко всем религиозным практикам; 3) и нет ни одного конкретного обряда, которого можно было бы вывести из потока подобных рассуждений.

Поскольку практически все суждения приведенные в тезисах носят дискуссионный характер, в конце мы бы хотели констатировать, что все попытки обосновать необходимость соблюдения религиозной обрядности с помощью рационализации научной целесообразности с эпистемологической точки зрения носят весьма противоречивый характер, а с точки зрения онтологии – весьма ситуативны, чтобы выступать в качестве какой-либо закономерности. Очевидно, что речь идет лишь об одной из тенденций в религиозной жизни современного общества, которые мы называем конвергентными и дивергентными процессами в религиозной жизни современного общества, обусловленных изменениями в воспроизводстве глобализирующегося общества в целом, в том числе и в сфере права.

Сумарокова Л. Н.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент*

ПРИВЕДЕНИЕ К ОЧЕВИДНОСТИ КАК МЕТОД ДОКАЗЫВАНИЯ

Понимание доказательства в логике сформировалось в античности и несло в себе две составляющие: требование необходимости логического следования, выдвинутое Аристотелем, и требование наглядности (демонстративности), выработанное в логике под влиянием римского права. И логическая необходимость, и убедительная наглядность соединились в классическом представлении о доказательстве. Принудительная сила доказательства обеспечивалась этими двумя факторами. Их соотношение менялось исторически, но в современной теории аргументации, в конечном счете, гармонизировалось, уравновесилось.

Декарт, как известно, считал ясность и отчетливость мысли критерием ее истинности, при этом врожденная интеллектуальная способность мыслить ясно была для него особенно важной в исходном знании, при выборе «начал» рассуждения.

В математической логике XX века на первый план оценки доказательств выходит необходимость логического следования; требование очевидности отступает на второй план и лишь у Л. Витгенштейна наглядность и ясность доказательства вновь признаются обязательными.

Замечено, что схема «приведения к абсурду», принятая в косвенном доказательстве, основанная на применении закона исключенного третьего, сегодня в практических контекстах чаще упоминается, чем схемы приведения к очевидности, предполагающие более широкий спектр выбора.

В. Б. Губин справедливо задается вопросом: почему более фундаментальный прием доказывания – приведение к очевидности – редко упоминается, хотя применяется универсально? Вместо него на уровне обыденного сознания распространено «стремление привести больше аргументов», что «превращает доказательство в уговаривание» (Губин В. Б. *О приведении к очевидности как доказательстве в реальности* // Ф. Н., № 3, 2002, с. 144). Ученый далее настаивает на том, что очевидность связана с пониманием связи событий, с усмотрением согласования всего, что причастно к данному вопросу и с уместностью самого вопроса (*там же*, с. 154). В силу этого автор считает, что очевидность появляется не столько как начальный пункт, сколько как результат доказательства.

В данном сообщении предполагается обсудить те аспекты приведения к очевидности, которые позволяют если не полностью, то в значительной мере нейтрализовать обвинения в субъективности.

Первый довод в защиту данной процедуры связан с различием объективно-достаточных и субъективно-достаточных оснований (В. Н. Брюшинкин). Очевидность в контексте логики предполагает опору на объективно-достаточные основания. Очевидность является результатом, итогом познавательного процесса; этот результат может быть получен не только одним человеком или группой людей, он может быть получен любым нормально разумным человеком. Путь к ясности и отчетливости, к очевидности лежит через напряженную работу, включающую и рутинное накопление информации, и творческие прорывы в ее осмыслении.

Способность различать очевидное и неочевидное формируется вместе с формированием личности, и если она и является даром свыше, то это дар за напряженный труд сознания и самосознания человека. Интеллектуальная интуиция – результат жизненного опыта в той же мере, как и врожденных способностей. Очевидность – это осознание целостности, построенной «под руководством» некоторой системообразующей идеи – концепта (в понимании А. И. Уемова).

Второй аргумент является продолжением первого: очевидно появляется не только как результат интеллектуального труда личности, но и как результат апробации в коммуникативных процессах. Принятие результа-

та в процессе свободного обсуждения подкрепляет и усиливает убеждение в его очевидности.

Наконец, очевидность конечного результата доказывания усиливается за счет очевидности отдельных составляющих этого процесса, объективированных тем или иным способом. Есть очевидность истинности или ложности аргументов; есть очевидность наличия правила, принятого для данного вида действий; есть очевидность констатации соблюдения или не соблюдения этих правил; есть очевидность релевантности или нерелевантности информации решаемой проблеме и т. д. Например, может быть очевидным или не очевидным результат процесса реконструкции ситуации по ее фрагментам, если этот процесс наблюдается «со стороны» остальными участниками судебного исследования.

С процедурой приведения к очевидности тесно связан вопрос о точности доказательства. В математическом доказательстве точность обеспечивается за счет строгости принятого формализованного языка, однозначности его элементов и разрешенных процедур. В естествознании точность обоснования часто зависит от соблюдения правил измерения, с наличием эталонов и технических средств для безупречного измерения.

В юридическом доказывании соответствующие технические средства точных наук тоже могут быть использованы. Однако в целом этот гуманитарный процесс имеет совершенно другие критерии точности, как правило, отражающие вероятностный характер связей и отношений социальной действительности, жизненного мира личности. Доказательство – это всегда выбор одной из возможных альтернатив; он может быть оптимальным, а может быть ошибочным. 100 %-е подтверждение вероятности социальных событий не только практически, но и теоретически невозможно. Если альтернатив немного, то любая объективная информация в пользу одной из них может сделать очевидным выбор для данной ситуации. Идеальный мир математики более предсказуем. Очевидность в математике и очевидность в гуманитарных науках разные. Первая основана на исчерпывающем переборе возможностей, а вторая – на существовании бесспорных, объективно-достаточных критериев выбора.

Приведение к очевидности – универсальный и необходимый прием доказательства, применимый практически во всех сферах. Вот почему приведение к очевидности можно считать методом доказывания, а не просто одним из приемов. Этот метод особенно важен в юриспруденции, поскольку хорошо согласуется с открытым, прозрачным, состязательным характером аргументации, предназначенной для гармонизации правовых отношений в обществе. Эффективность применения этого метода зависит от реальной минимизации его субъективной составляющей.